

ды против СССР. Генсек не отреагировал вообще на это сообщение¹.

В целом касательно советско-германских отношений генсек проявлял себя как прагматически мыслящий государственный деятель, активный защитник политических и экономических интересов своей страны, разоблачитель идеологии и практики немецких фашистов, сторонник широких связей с Германией, включая и сотрудничество в военной области (в основном до прихода Гитлера к власти) с целью, кроме всего прочего, нейтрализовать действия некоторых государственных деятелей Англии, Франции и США, направленные на создание антисоветского блока. Одним из таких крупных шагов явилось заключение 23 августа 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией, что расстроило упомянутые нами планы западных держав.

е) Наш заокеанский оппонент и партнер

Отношения советской России и Соединенных Штатов Америки складывались непросто. Недобрым симптомом явился отказ американского президента Вильсона от предложения главы советского правительства В.И. Ленина о заключении концессионных договоров (июль 1918 г.). И несмотря на участие США в военной интервенции против России, Ленин продолжал высказываться за налаживание экономических отношений с заокеанской державой. Он заявлял в октябре 1919 г.: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой»².

Масштаб экономической мощи США выглядел несравнимо с Советским Союзом (даже после восстановления довоенного уровня развития народного хозяйства). Так, в 1926/27 г. национальный годовой доход в СССР составил 22 млрд руб., тогда как в США — 130 млрд золотых рублей (т.е. на душу населения соотношение было 166 руб. в СССР и 1500 руб. — в США)³.

¹ Там же. Д. 53. Л. 70—71.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 209.

³ См.: Бутковский Вл. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. Предисловие В.Н. Ксандрова. М.; Л., 1928. С. 9—10.

Политбюро ЦК партии неоднократно рассматривало вопросы, касавшиеся взаимоотношений с США¹.

Остановимся на одном из принятых решений. Политбюро ЦК 23 июля 1925 г. рассмотрело и утвердило по докладу Г.В. Чичерина «Проект мер НКВД об Америке». В нем, в частности, говорилось: «1 а) Необходимо констатировать факт переменявшегося отношения широких общественных кругов в Америке к СССР в благоприятную сторону...

б) Констатировать факт быстрейшего роста торговых отношений с Америкой, в апреле месяце т[екущего] г[ода] продвинувшейся на первое место в русском импорте». В постановлении отмечалось также как положительный факт, что американцы в отличие от европейских держав не требуют уплаты по царским долгам, а ограничиваются лишь долгами, взятыми Временным правительством².

Американская общественность с интересом следила за развитием событий в Советском Союзе, за деятельностью нового лидера СССР — И.В. Сталина. Приезжавшие в Москву в 20-е гг. ученые и журналисты США выражали намерение встретиться с генсеком, получить от него ответы на широкий круг вопросов. Это могло бы способствовать в будущем признанию Соединенными Штатами Советского Союза.

Так, в 1926 г. в составе американской делегации прибыл профессор Дж. Дэвис, который как раз имел намерение встретиться со Сталиным.

Осуществлению этого намерения способствовали рекомендательные письма — от председателя комиссии внешних сношений сената США Вильяма И. Бора и известного советского деятеля Н. Осинского, побывавшего в командировке в США в 1924—1925 гг.

Сенатор Бора 20 мая 1926 г. писал:

«Всем, кому это письмо будет предъявлено: Это письмо рекомендует Вам профессора Джерома Дэвиса (Jerome Davis) из Йэльского университета (Yales univ.), который собирается

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 512. Л. 1, 8—10; Д. 515. Л. 4, 12—14; Д. 562. Л. 2, 8; Д. 651. Л. 2, 10—11; Д. 660. Л. 1—2; Д. 686. Л. 3; Д. 701. Л. 23; Д. 704. Л. 3; Д. 794. Л. 7; Д. 775. Л. 22; Д. 840. Л. 5. Многие из этих документов нами рассмотрены в кн.: «Иностранные концессии в СССР». Ч. I, II. М., 2006.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 512. Л. 1, 8.

изучить условия в России. Он предполагает сделать мне доклад о положении, каким он его найдет.

Я без колебания рекомендую его любезности и вниманию представителей русского правительства и русского народа и глубоко ценю Вашу услугу, если Вы устроите ему свидание со всеми, кого он пожелает видеть.

Весьма уважающий — Вильям И. Бора»¹.

Осинский писал Сталину, что в Москве, как известно из газет, находится американская делегация из 20 чел. — «людей прогрессивного образа мыслей и поддерживающих признание [СССР]. Делегация собирается издать в С.Ш. отчет о положении в СССР наподобие отчета, изданного в Англии делегацией профсоюзов 1924 года. Отчет составлялся под руководством молодого профессора Иэльского университета Джерома Дэвиса, который в Америке вел большую кампанию за признание СССР и против фальсификации известий о нас. Отчет составляется для использования его сенатором Бора, и Дэвис находится с ним в прямой связи...

Дэвис очень хочет повидать Вас хотя бы на четверть часа».

Осинский предложил Дэвису письменно изложить свои вопросы. «Делегация на той неделе уезжает, и прием Дэвиса желательно сделать поскорее»².

Приводим также записку Дж. Дэвиса на имя И.В. Сталина.

«Иэльский университет.

Бюро Джерома Дэвиса.

1110 Эдвардс Холл
Нью Хавен, Коннектикут
10 августа 1926 г.

Господину Иосифу В. Сталину,
Генеральному Секретарю Коммунистической партии.

Москва. Россия.

Милостивый государь!

Я прибыл в Россию с американской делегацией, которая, я надеюсь, сделает доклад о России, подобный Британскому Рабочему Докладу 1924 года. Я прибыл также для того, чтобы сделать специальный доклад Сенатору Вильяму И. Бора, Пред-

¹ Там же. Д. 726. Л. 94. Оригинал на английском — Л. 96.

² Там же. Л. 95—95 об.

седателю Комиссии по Иностранным Делах Сената Соединенных Штатов — горячему стороннику признания России Соединенными Штатами. Я прилагаю личное письмо от него. Он особенно просил меня увидеть Вас, даже если я не увижу никого другого.

Я особенно хотел бы задать вам следующие три вопроса:

1. Если Америка признает Россию, создаст ли это какую-нибудь возможность, что Коммунистический Интернационал использует это признание для усиления своей деятельности в Соед. Штатах? Какова будет позиция коммунистической партии в этом вопросе?

2. Если американский капитал пойдет в Россию, то может ли он иметь разумную уверенность в том, что программа коммунистической партии не будет изменена в будущем таким образом, что это помешает его деятельности при посредстве налогов, рабочего законодательства и т.д., так что это станет для него неприбыльным? Другими словами, имеются ли перспективы радикального сдвига влево политики коммунистической партии?

3. Считаете ли Вы возможным завоевать для коммунизма среднего русского крестьянина, который обрабатывает сам свою землю? Подвергает ли эта проблема опасности будущие успехи Вашей партии? Как она преодолевается?

Вдобавление к этому я хотел бы спросить Вас, не имеете ли Вы каких-либо возражений против того, чтобы я перевел часть Вашей книги «Вопросы ленинизма» на английский язык? Я думал особенно о переводе части со страницы 69 по 166 об основах ленинизма, но я хотел бы быть уверен, что Вы одобряете этот выбор. Конечно, если кто-либо из Ваших собственных сотрудников собирается перевести эту книгу на английский язык, то я не желал бы делать параллельную им работу.

Зная, как Вы заняты, я был бы рад согласиться не занимать более трех минут Вашего времени, и если Вы пожелаете — не упоминать об этом свидании никому, пока я не увижу Сенатора Бора.

Искренне Ваш — Джером Дэвис.

Мой московский адрес: Старый Конюшенный пер. 39, кв. 11. тел. 2-12-20»¹.

¹ Там же. Л. 89—90. Копия.

Сталин дал согласие на встречу. Беседа состоялась 13 августа 1926 г. и продолжалась с 13.00 до 14.50¹.

Судя по следующему документу, перечень вопросов и проблем, затронутых в беседе, вышел за рамки помеченных Дэвисом в приведенном его письме. Считаем целесообразным ознакомить читателей с записью текста этой беседы.

«КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ БЕСЕДЫ ТОВ. СТАЛИНА С ПРОФЕССОРОМ ДЖЕРОМОМ ДЭВИСОМ.

13 августа 13—14 ч. 50 м.

Переводчик — Тивель.

(Дэвис — профессор социальных наук Изельского университета. Был в России во время Октября и в 21-м году во время пребывания АРА. Представил письмо Бора).

Дэвис: Для облегчения нашей работы — сторонников признания СССР — хорошо было бы, если ко времени ноябрьских выборов Советское Правительство сделало бы заявление о готовности:

1. Признать долги Керенского, как это говорил Кулидж 6/XII—192... г.
2. Компенсировать большую часть американских граждан, пострадавших от конфискации.
3. Отказаться от пропаганды и использования для пропаганды официальных представителей.

Сталин: То, что С.Ш. не признают нас и ставят себя в особое положение по сравнению с другими странами, только усиливает кампанию и деятельность против Американского правительства коммунистов и тех, кто сочувствует Советской Республике. Официальным же представителям запрещено вести пропаганду, и виновные в этом снимаются. Запретить коммунистическую деятельность компартий и газеты мы не можем; так же, как республиканцы будут бороться против Советского режима, так и коммунисты будут бороться против капитализма.

---

¹ Там же. Л. 97.

Д э в и с: Есть ли опасность, что если наши капиталисты вложат свои капиталы, а потом к власти придут левые группы и изменят условия посредством налогов и рабочего законодательства, то работа наших капиталистов станет невыгодной?

С т а л и н: Это можно проверить по Гарриману и Лена-Голдфилдс, которые получают очень большие прибыли. При высокой американской культуре, при низком по сравнению с американским (ввиду большей дешевизны) уровне зарплаты здесь, американцы могут получать очень большую прибыль.

Что касается будущего, то у нас нет таких групп, которые отрицают необходимость нэпа, а некоторые из теперешних левых стояли за концессию Уркварта, хотя она и была кабальной. Маловероятно, чтобы левые пришли к власти. Если допустить это математически, то есть одна возможность из ста.

Д э в и с: В Европе нам говорили, что вы точно выполняете ваши экономические обязательства, но в отношении пропаганды это не так.

С т а л и н: О большевиках распространяют всякие небывальщины, что они не кушают, не пьют, что они не люди, что у них нет семьи и они только и занимаются тем, что борются друг с другом и свергают один другого (а потом оказывается, что они все остаются), что они только и делают, что ночью и днем рассылают по всему миру директивы. У нас это только вызывает смех, и мы этого не опровергаем — для этого потребовались бы томы. Что же касается выполнения договоров, то верьте не мне, а опросите европейских контрагентов. Они скажут, что нет ни одного случая нарушения договора с нашей стороны. Если иметь дело с частными, то они могут обмануть, обанкротиться, ответственность у них невелика, и это не будет иметь большого значения. С государством в этом отношении лучше иметь дело, оно не допустит нарушения договора, оно не допустит банкротства своих организаций, это было бы для него пощечиной в международном масштабе. Я не могу сказать, что будет через 40 лет. Но 10, 20, 30 лет не может быть лучшего контрагента, чем мы.

Германия стоит ниже по техническому уровню, культуры у нее меньше, чем в Америке, но она больше берет концессий, она больше знает рынок, она больше вошла в дело и с более

низкой техникой немцы получают большие прибыли. Американцы могли бы иметь больше. А почему мы даем немцам? Потому, что они нам дают кредит.

Д э в и с: Надеетесь ли вы, что средний крестьянин, который знает только свою землю, поддастся вашей пропаганде?

С т а л и н: Одной пропагандой вообще ничего не сделаешь. Мы надеемся, что поведем и мы ведем за собой крестьян, потому что мы создаем такие материальные условия, которые толкают крестьян на сторону большевиков.

Крестьянину важно, чтобы его снабжали мануфактурой по сходной цене, чтобы ему давали кредит и брали его продукты, чтобы ему помогали в случае голода, чтобы помогли предотвратить возвращение помещиков, чтобы его втягивали в общеполитическую жизнь и давали бы возможность принимать участие в строительстве.

Все эти условия, правда, не на сто процентов, мы, стоящие у власти, имеем возможность давать. Если бы этого не было, то крестьяне не сидели бы спокойно. Гражданская война характерна тем, что из ста крестьян, по крайней мере, пятьдесят перебивали на различных фронтах. Там они приобрели активность. Перебрасываясь с одного фронта на другой, они узнали, что такое Россия, поняли, что это одно государство. Раньше они были воронежские, псковские, калужские, теперь они поняли, что они принадлежат к одному государству. Такие крестьяне, если они спокойно сидят и не вступают в конфликты с большевиками, это значит, что мы проявляем успехи и создаем такие условия, главным образом, через кооперацию, которые убеждают крестьян, что лучше иметь дело с большевиками, чем с другими. Я бы не сказал, что они в восторге от большевиков. Но крестьяне — практики и, сравнивая капиталистов, которые не хотели с ними разговаривать и угнетали, и коммунистов, которые с ними разговаривают, убеждают и не грабят, они приходят к выводу, что с нами лучше. Они не считают нас за идеал, но они считают, что мы лучше других.

Кооперация организовала не меньше 20 млн чел. Мы действуем с крестьянами не только книжками и газетами. Это тоже важно, но это второстепенное. Мы их убеждаем на фактах, так что при выборе между нами и капиталистами — они

останавливаются на нас. В отличие от западноевропейских крестьян, у наших крестьян имеются исторические данные и психологические предпосылки, чтобы без больших предубеждений прийти к нам.

Отличие состоит в том, что, например, французские и английские крестьяне получили землю не от социалистов, а у нас во главе революции, давшей крестьянам землю, стояли социалисты. Это подрывает те предрассудки, которые есть, и дает возможность идти с большевиками.

В крестьянском хозяйстве есть две части: производство и распределение. Если крестьянин не будет сбывать своих продуктов, то производство его рухнет.

Через кооперацию мы охватываем хозяйство со стороны сбыта и снабжения и многое уже сделали, а потом мы подойдем к производству.

Уже сейчас есть ряд кол. хоз., куда главным образом идут бедные и которые получают трактора и машины.

Таких добровольных коллективных организаций есть несколько тысяч. В общем объеме это мало, но они дают пример, дают возможность сравнивать выгоды машинного коллективного хозяйства с мелким частным, и крестьяне охотно переходят в кол. хоз. В некоторых случаях кооперация охватывает и производство. Целые районы производят лен и сдают его целиком в кооперацию и получают от нее все, что им нужно. Тоже со свекловицей и с хлопком.

В России была домашняя система капитализма, при которой кустари получали от капиталистов материалы, работали на дому и сдавали весь продукт капиталисту. Позже они были собраны капиталистами на фабрики.

То, что происходит в льноводстве, свекловичном и хлопковом хозяйстве, это зародыш коллективизма. Это домашняя система социализма.

В области сбыта и снабжения кооперацией охвачено свыше 20 млн крестьян.

В области производства пока охвачены лен, свекла и хлопок. Потом перейдем и к хлебу. Это трудно, но мы это сделаем. Следующий фактор — это национализированный кредит, который оказывается крестьянам, и на льготных условиях — коллективам и кооперации.

Дэвис: Я убедился, будучи в деревнях, что крестьяне получают дешевый кредит. Получая его так легко, не будут ли они его мало ценить?

Сталин: У нас мало денег, так что много мы давать не сможем.

Дэвис: Правда ли, что лучшие колхозы — это сектантские?

Сталин: Нет, сектанты относятся с недоверием к коллективам и замыкаются. Только в Московской губернии часть сектантов организована в колхозы. Пионеры и организаторы колхозов и активные работники в них — это демобилизованные красноармейцы и бывшие военнопленные, которые узнали за границей выгоды техники.

Дэвис: Нельзя ли достать вашу биографию? (Сталин передает ему листовку с портретом и краткой биографией.)

Дэвис: Это очень маленькая. Как вы стали коммунистом?

Сталин: Это трудно рассказать. Сначала люди переходят в оппозицию, потом становятся революционерами, выбирают себе какую-нибудь партию. У нас было много партий — эсеры, меньшевики, анархисты, большевики.

Дэвис: Но почему в России становились коммунистами?

Сталин: У нас было так много коммунистов потому, что русский капитализм был самым зверским, с турецкими зверствами; у нас был самый жестокий политический строй, так что даже самые мирные становились в оппозицию; и так как простая оппозиция не помогала и всех оппозиционеров — от богатых до чернорабочих — отправляли в ссылку в Сибирь, то они устремлялись к той партии, которая резче всего выступала против правительства и решительнее всех действовала. Поэтому все оппозиционно настроенные сочувствовали большевикам и смотрели на них как на героев.

Революционное сознание возникало на почве чувства; оно формировалось в подсознание, а потом переходило в сознание.

Дэвис: Почему Вы ушли из духовной семинарии?

Сталин: Меня выгнали.

Дэвис: Почему?

Сталин: Потому, что я читал Маркса.

Дэвис: Когда это было? Как Вы достали Маркса?

Сталин: Это было в 1899 году. Я был в последнем классе, вел кружок учеников — изучали Маркса. В Тифлисе была

с.-д. организация, с которой я был связан и которая имела литературу, и давала мне.

Д э в и с: Не права ли была оппозиция, требуя демократизации? Ведь большинство может ошибаться. Как же меньшинству доказать свою правоту, если нельзя выступать? Ведь Троцкому, например, не разрешили бы выступать в Нижнем Новгороде или в Казани.

С т а л и н: У нас большая организация — 1 млн членов. Есть в партии разные люди. Но вместе с тем это боевая организация, выполняющая решения, а не дискуссионный клуб, где занимаются только обсуждением. Такая партия не могла бы управлять страной. Когда обсуждение закончено и решение принято, его нужно проводить в жизнь. Оппозиция же не проводила в жизнь то, что было решено, и подговаривала других не проводить. Если оставить так, то это была бы не партия, а дискуссионный клуб.

В партии бывали дискуссии и бывали обсуждения, во время которых каждый может высказываться и выступать как он хочет. Также на съездах партии каждый может выступать как он хочет, а также и на губернских конференциях. Но чтобы была открыта дискуссия, нужно, чтобы это решил сам ЦК или потребовала какая-нибудь одна организация. В 1920 году дискуссию открыл ЦК (по профсоюзному вопросу), тогда ЦК разбился на две части — 9 и 9. Такой ЦК не может руководить партией, и была объявлена дискуссия. В 1923 году дискуссию потребовала Московская организация (по вопросу о Троцком). В 1925 году — Ленинградская.

Сейчас же ни одна организация не требует дискуссии, и в ЦК нет такого положения, что мнения разделяются. Нельзя начинать дискуссии из-за чьего-либо каприза или фантазии. Это не значит, что не может быть литературной критики, выступлений в прессе. Но при этом принятые решения должны выполняться. Никто не запрещает Троцкому и кому бы то ни было выступать где угодно, но нельзя выступать против принятых решений, если нет дискуссий. Тогда были бы нарушены все нормы партии. Тогда партия превратилась бы в школу Аристотеля, куда приходят для того, чтобы заниматься разговорами.

Д э в и с: Не думаете ли Вы, что через 25 лет возможностей для дискуссий будет больше?

С т а л и н: Нет. Офицерские кадры подрастут и будут понимать, что лучше. Товарищеская критика же будет конечно шире, потому что обстановка, вопросы будут сложнее.

Д э в и с: Консерваторы говорят, что ВКП, Коминтерн и правительство — это одно и то же. В своих лекциях я указывал на разницу, но мне говорили: это все равно — Политбюро контролирует и партию, и правительство.

С т а л и н: Вы знаете, какие условия существуют между республиканской партией и правительством в С.Ш.?

Д э в и с: Партия имеет некоторое влияние, но большее влияние имеют отдельные люди, не состоящие в партии, — например, Морган.

С т а л и н: Только в этом году мы узнали, что либералы в Англии имеют свой теневой комитет. Консерваторы тоже имеют теневой комитет. Республиканцы также, наверное, имеют такой комитет, который никому не известен, но который собирается и ведет переговоры с тем же Морганом.

То, что пишут о нас по этому вопросу — на 9/10 — фарисейство или незнание.

У нас Политбюро выбирается каждый год, члены его известны, работа его известна. На Западе же только когда Ллойд-Джордж подрался с Асквитом, он разболтал, что существует в либеральной партии теневой комитет, который никому не был известен. Какое основание имеют на Западе обвинять нас в том, что у нас есть открытое Политбюро, когда у них есть закрытые теневые комитеты. Они делают тайно, а мы не скрываем.

Второе — что значит контролировать? Это экономический термин. Контролировать может только вышестоящий орган. Как может ЦК ВКП контролировать ИККИ, который стоит выше, в который входят другие ЦК — французской, английской, итальянской, немецкой и др. партий, где есть свои Политбюро. Верно, что ВКП более авторитетна, чем другие партии. Но это не значит, что каждое ее слово есть закон, которому нужно подчиняться. Политбюро не работает за ИККИ. Если посмотреть на заседания Политбюро, то увидим, что там занимаются самыми общими политическими и хозяйственными вопросами. Конкретное же оформление и действительные решения принимает правительство.

Что касается Коминтерна, то я не понимаю, как могут думать, что мы являемся в Коминтерне людьми первого разряда, а члены других партий — второго разряда, что у нас, русских, есть одни права, а у других — другие. Европейские коммунисты культурны, они не пошли бы на это. Такие люди, как Семар, Поллит, Тельман на это не согласились бы. Не представляю себе, как культурные люди могут говорить такую чепуху.

Есть ли у Политбюро власть в правительстве? Да. Решает ли Политбюро все вопросы? Нет. И не может. Политбюро заседает один раз в неделю, Совнарком два раза в неделю и СТО два раза. Как может Политбюро на одном заседании рассмотреть все вопросы, которые Совнарком и СТО не могут рассмотреть и на четырех заседаниях? Оно должно было бы заседать день и ночь. Правящей в стране является партия большевиков. Руководящим органом партии является ЦК, и он дает общие директивы.

Например, в вопросе о бюджете ЦК дает директиву поставить во главу угла тезис об уделении максимума доходов на индустриализацию страны. Это общая директива. Бюджет же прорабатывается на 20 заседаниях Совнаркома, а Политбюро уделяет ему полчаса. Оно дает лишь общую линию: в этом году должны быть даны средства на новое строительство фабрик и заводов. Так как займы и кредиты не получены, то средства должны быть найдены сокращением административных расходов. Это все, что решает Политбюро. 9 человек не могут работать за всех.

Д э в и с: Нашей пропаганде очень помогло. А если бы Вы сделали заявления о согласии на три упомянутых условия.

С т а л и н: А контр-претензии?

Д э в и с: Вы должны получить очень много за интервенцию. Но это лучше не упоминать в заявлении, а поднять вопрос на конференции.

С т а л и н: Мы уже не раз делали подобные заявления.

Д э в и с: Вы сделали больше, чем Вы должны были сделать. Но наше глупое правительство не обращало внимания. Если Вы еще раз выразите согласие на три условия, то это очень поможет пропаганде.

С т а л и н: Я доложу об этом правительству. По-моему, это не совсем удобно. Наркоминдел недавно сделал такое заявление, но никакого ответа не было получено. Мы не хотим быть

навязчивыми. Навязчивые люди — это дурные люди. Мы не хотим быть нехорошими людьми. А потом могут подумать, что у нас плохое положение, что мы не можем жить без Америки. Но мы жили и будем жить.

Мы рискуем затем получить грубый ответ, а на это наш народ будет ругаться, как умеют ругаться по-русски, что только затруднит дело признания в дальнейшем. Без какого-нибудь повода неудобно делать еще одно выступление. Таково мое мнение. Я доложу об этом правительству.

Дэвис: Я хотел бы опубликовать эту беседу.

Сталин: Если печатали какую-нибудь беседу со мной, то я раньше просматривал ее. В данном случае это не может быть сделано. Поэтому Вы укажите, что это не просмотрено мной и что я не отвечаю.

Дэвис: Конечно. Я укажу, что только я ответственен за содержание»¹.

Бравший интервью у Сталина 13 августа 1926 г. профессор социальных наук Иэльского университета Джером Дэвис опубликовал текст своей беседы в газете «New York American» в воскресенье, 3 октября того же года с портретом Сталина. Там автор привел неизвестный факт из биографии генсека периода гражданской войны в России: «Однажды в декабре на фронте близ Петрограда Сталин заметил, что солдаты приветствуют его без энтузиазма. Остановив одного... Сталин спросил: “Почему?” Человек указал на свои ноги, обутые в соломенные сандалии. Сталин снял свои сапоги хорошей кожи, дал их солдату, взяв взамен соломенные сандалии. Всю эту зиму Сталин носил соломенные сандалии, разделяя таким образом лишения своих людей»².

Видимо, об этом факте сообщил американскому профессору сам Сталин. Трудно судить, насколько это сообщение соответствовало истине. Но во всяком случае подобные факты из биографии советского руководителя производили на американских читателей благоприятное впечатление.

Приводим полный текст интервью в русском переводе, опубликованный в газете «Нью-Йорк Америкен» 3 октября 1926 г. Он имеет ряд разночтений, а также новых материалов, отлич-

¹ Там же. Л. 97—105. *Машинописный текст на русском языке.*

² Там же. Л. 131.

ных от предыдущего документа. Это показывает, кроме всего прочего, отношение автора и к Сталину и к политике СССР в целом в указанный период. Тексту интервью предшествовало заявление редакции газеты: «Помещаемое ниже экстраординарное интервью со Сталиным — величайшим человеком России, главным лицом сейчас там, было написано профессором Дэвисом исключительно для газет Херста»¹.

ИНТЕРВЬЮ АМЕРИКАНСКОГО ПРОФЕССОРА ДЖ. ДЭВИСА О ЕГО БЕСЕДЕ С И.В. СТАЛИНЫМ

(Опубликовано в газ. «Нью-Йорк Америкен»
3 октября 1926 г.)

Властители СССР ищут дружбы с С.А.С.Ш.

Сталин — новый властитель России —
ищет дружбы с С.Ш.

Сталин — новый вождь — рисует задачи
и политику Советов.

Россия готова послать комиссию по долгам в Вашингтон, говорит он, и объясняет, почему Россия представляет большие возможности для американских товаров, изобретений и капитала.

Джером Дэвис (профессор Иэльского университета, который отправился в Россию, имея письмо от сенатора Бора — председателя Комиссии по внешним сношениям сената С.А.С.Ш. с просьбой к советским вождям откровенно говорить с ним. Профессор Дэвис был в России раньше и говорит свободно по-русски. Помещаемое ниже экстраординарное интервью со Сталиным — величайшим человеком России, главным лицом сейчас там, было написано профессором Дэвисом исключительно для газет Херста).

Москва, сентябрь 1926 г.

Я только что вернулся после 2-часового интервью с таинственным человеком России, с крупнейшим вождем в Советском правительстве, действительным властителем там в настоящее время. Это Генеральный секретарь Центрального Комитета Русской Коммунистической партии, Иосиф В. Сталин, о котором русские, которые раньше жили в Америке, в шутку говорят,

¹ Там же. Л. 119.

как о «хозяине Мэрфи»¹ России. Как правило, он отказывается видеть иностранцев. Это первое интервью, данное американцу. Он говорит только по-русски. Мое знание этого языка помогло мне, а общее рекомендательное письмо от сенатора Бора — председателя нашей могущественной комиссии по иностранным делам Сената — оказало мне еще большую помощь в получении этого интервью.

Я, прежде всего, спросил — готова ли Россия уплатить долги Керенского, как это было указано в адресе президента Кулиджа конгрессу, удовлетворить наиболее важные требования наших граждан и, как правительство, отказаться от всякой пропаганды. Сталин ответил, что они не раз выражали свою готовность это сделать, но полное соглашение с Америкой может быть достигнуто только таким же методом, который применялся в отношении всех других стран, с которыми достигнуто соглашение, а именно на конференции. Но правительство С.Ш. отказывалось вступить в переговоры с Россией.

Иностранным вкладчикам не оказывают препятствий

«Если американские капиталы будут предоставлены России, спросил я, какие гарантии могут быть даны, что Коммунистическая партия сдержит обещания и выполнит контракты. Другими словами, нет ли опасности, что в будущем блок левого крыла захватит контроль над партией?».

Сталин ответил: «Сейчас уже никакой блок левого крыла не возражает против вашей новой экономической политики и не поддерживает нападок на иностранный капитал. Наоборот, меньшинство высказывается сейчас за увеличение привилегий концессионерам. Некоторые даже высказывались за предоставление концессий Уркварту, относительно которой мы, большинство, считали, что она закабалит рабочих и по этой причине отказались ратифицировать ее.

В условиях американской техники и ее изобильных, избыточных капиталов ни одна страна в мире не является столь приспособленной для помощи России, как Америка. Зарплата и

---

¹ Мэрфи — руководитель нью-йоркской организации республиканской партии.

жалованье в России низки. Непревзойденная техника Америки и потребности и огромное население России предоставят огромную прибыль американцам, если они будут сотрудничать вместе. Если вы спросите американские фирмы, которые сейчас делают с нами дела, как к ним относятся такие фирмы, например, как Гарриман и «Лена-Голдфилдс»¹, то вы увидите, что им не ставят препятствий, но что они действительно получают большую прибыль и им не мешают».

Большие прибыли в России для американцев

«Вы можете спросить во всей Европе, и вы увидите, что, если Советская Россия подписывает обязательство, то она его выполняет. Имеется, может быть, один процент возможности перемены в нашей политике в отношении возвращения назад к «левым», но лишь один процент, несмотря на постоянные измышления о наших заговорах против других народов, о нашей готовности к войне и т.д. Все это ложь. У нас нет времени отвечать на все эти измышления. Одно абсолютно верно — мы всегда соблюдали наши обязательства.

Немцы получили здесь огромные концессии только потому, что они готовы были дать кредиты. Несмотря на их значительно более низкую технику и низкую культуру, чем в Америке, Германия получает большие прибыли. Американцы получили бы значительно больше.

Если иметь дело с частным лицом, то вполне понятно, что обязательства могут быть нарушены, но правительство не может себе позволить нарушить свои обещания. Сделать это, значило бы дискредитировать народ, войти на получение пощечины перед всем миром. Частное лицо ответственно перед собой и за самого себя, народ же ответственен за себя и перед всем миром. Поскольку правительство остается у власти, оно не может разрешить себе нарушить соглашений».

«Консервативные американцы иногда признаются, что Советская Россия добросовестно выполняет свои экономические обязательства, или контракты, которые она заключила, но они выдвигают обвинение в том, что она нарушала свои обеща-

---

¹ На самом деле «Лена-Голдфилдс» была английской концессией, хотя и с участием американского капитала (С.Х.).

ния в отношении пропаганды. Как вы ответите на это?» — спросил я.

«Лживые сообщения относительно нас были бы смешны, если бы они не были столь злобны и вредны. Некоторые, по-видимому, думают, что мы тратим все наше время на пропаганду и на внутренние ссоры, что главное наше занятие состоит в выпуске секретных приказов и во взаимных убийствах, и что, следовательно, у нас очень мало, или вовсе нет времени для созидательной работы, или, даже для того, чтобы жить семейной жизнью.

Такие обвинения до чрезвычайности смешны. Мы в состоянии запретить и мы запрещаем всем нашим правительственным представителям за границей вести пропаганду, но мы можем помешать всем нашим гражданам делать это не в большей степени, чем вы можете помешать некоторым вашим гражданам вступать в Союз промышленных рабочих мира. Далее, мы не можем помешать нашим газетам говорить то, что они думают в вопросе критики других стран, как бы эти взгляды, которые никто из нас, членов правительства, не разделяет, ни были неправильны или глупы».

Как правит большинство

«Если Америка признает Россию, спросил я, какие гарантии могут быть даны, что приверженцы вашего Коммунистического Интернационала не усилят своей пропаганды против С.Ш., как капиталистического врага России?»

Пока Америка не признает России, американцы могут так же, как и наши собственные крайние левые коммунисты, агитировать по этим вопросам и причинять беспокойство всем. Внутри рядов нашей Коммунистической партии пропаганда строго ограничена. Наши официальные представители не будут помогать пропаганде или принимать каким бы то ни было путем в какой бы то ни было форме, или каким бы то ни было способом участие в ней и если бы они это делали, то они были бы немедленно сняты.

«Я замечаю, что в России, в соответствии с конституцией Коммунистической партии, после того, как партия решила вопрос на стадии, которую мы можем назвать партийным предварительным собранием, меньшинству не разрешается агити-

ровать против большинства. Мы все знаем, что большинство может быть иногда неправым и что меньшинство иногда морально право. Как могут быть исправлены неправильные решения большинства?»

Мы являемся боевой партией с миллионом членов, ответил Сталин, боевая партия должна выполнять свои решения, а не вырождаться в дискуссионный клуб. Во время конференции и перед выборами на конференцию существует полная свобода мнений. Например, Троцкий мог поехать в Нижний Новгород и защищать всякую политику, которой он придерживался, перед делегатами. Но раз решение принято, то это уже не вопрос большинства и меньшинства, а скорее проблема о том, чтобы заставить каждого работать так, чтобы выполнять решения, а не начинать заново дебаты.

Русские любят дискутировать, и частные дискуссии происходят беспрестанно по всяким вопросам, но после того, как решения приняты, не разрешается каким бы то ни было образом противодействовать им. Конечно, положение может измениться, и любой город может в любое время потребовать пересмотра всего вопроса. Центральный Комитет может тогда решить, целесообразно ли вопрос ставить вновь. Если они считают, что да, то все дело заново подымается в партии в свете опыта и вновь решается большинством после полного обсуждения.

Свобода дискуссий

Например, в 1920 г. Центральный Комитет разделился по вопросу о профсоюзах. Решение было достигнуто при посредстве дискуссии. Вновь в 1923 г. Московский Совет потребовал дискуссии по вопросу о так называемом «троцкизме». Эта дискуссия шла повсюду. В 1925 г. Ленинград потребовал права возражать против решений ЦК, и это право было дано. После конференции большинство поддержало Центральный Комитет. Зиновьев пытался продолжать дискуссию после этого, ему было сказано, что это незаконно.

«Думаете ли вы, что вы разрешите большую свободу дискуссий внутри партии по мере того, как время будет идти, и ваше партийное правительство укрепитя более прочно?» — спросил я.

Нет, если что-нибудь и будет, так будет меньше дискуссий, ибо наши вожди станут более мудрыми, у них будет больше опыта, и они будут знать, как разрешать проблемы, которые будут возникать. С другой стороны, по всей вероятности, будет больше свободы для литературной критики, чем сейчас, особенно в журналах. Такая критика полезна и дает стимул. Но правительство должно иметь единство целей, должно твердо знать свою политику, должно действовать энергично.

«Консерваторы утверждают, что коммунистическая партия, правительство и Коммунистический Интернационал — одно и то же, ибо все они контролируются Политическим Бюро, — сказал я. — Насколько это верно?».

Единственное различие между контролем нашей партии и таким же контролем в других странах заключается в том, что мы делаем вещи открыто, в то время, как за границей их делают втайне. Лишь в этом году в Англии был теневой кабинет либеральной партии, хотя мы узнали об этом лишь тогда, когда Ллойд-Джордж имел ссору с Асквитом. Консерваторы в Англии имеют теневой кабинет и в большинстве ваших Штатов в Америке имеются политические хозяева, которые иногда имеют больше силы, чем ваши выборные чиновники.

Я не думаю, чтобы республиканцы не имели иногда того, что может быть названо теньвым кабинетом в Вашингтоне.

Не созывают ли они иногда секретных конференций для обсуждения важных вопросов? 9/10 тех, кто критикует нашу партию в этом вопросе, являются или невеждами, или лицемерами.

Какие основания имеют иностранцы критиковать наше Политическое бюро, которое открыто выбирается партией, которое известно всем, когда в Европе имеются теневые кабинеты, а в С.Ш. хозяева, которые не выбраны народом, но, тем не менее, правят. Это смешно!

Я попытаюсь объяснить это Вам, — сказал теперешний властитель России. Всесоюзный конгресс Советской Российской Республики состоял в прошлом году из 673 членов с правом решающего голоса и 642 — с правом совещательного голоса. Он выбрал Центральный Комитет с 63 активными членами. Этот Центральный Комитет правит Россией. Он не правит Коммунистическим Интернационалом, ибо Коминтерн составлен из представителей от всех руководящих партий стран

мира. Такие люди, как Семар из французской Компартии, Гарри Поллит из Британской Компартии, Тельман из Германской Компартии, не подчинены русским. Это сильные независимые вожди в Коммунистическом Интернационале. И те, и другие представители из других стран имеют равные права. Иностранные делегаты не подчиняются нашей диктовке, если бы мы попытались диктовать. Центральный Комитет Советской партии правит Россией, как я сказал, но он не правит Коммунистическим Интернационалом, ибо наши члены составляют лишь одну секцию его.

Коммунистические отношения

«Возможно, я сделаю мысль мистера Сталина более ясной, указав, что отношения Коммунистического Интернационала к Советскому Правительству в России в некотором отношении сходны с отношениями между национальным республиканским комитетом и теперешним правительством в Вашингтоне. Все или почти все чиновники нашего правительства — республиканцы, но они не подчинены республиканскому национальному комитету, который состоит из членов, избранных от 48 штатов».

Таким же образом Коммунистический Интернационал имеет выбранных делегатов от 50 стран вне России. Коммунистический Интернационал не имеет прямого контроля ни над одним из русских правительственных чиновников. Он также бессилен, как был бы бессилен республиканский национальный комитет, если бы он пытался контролировать действия начальника почты, или избирательные голоса сенаторов С.Ш., хотя бы оба были республиканцами. Центральный Комитет в России является высшей властью во всех русских делах, будучи избран на ежегодном Всероссийском партийном конгрессе. Аналогии никогда не бывают целиком правильными, но Советский Центральный Комитет может быть сравнен с партийным предварительным собранием законодательных органов. Они решают, какова должна быть позиция партии в отношении предлагаемых законов. Если защитники одного закона или политики имеют крупное большинство, то действия предварительного собрания являются решающими. Так как коммунисты имеют подавляющий контроль в Центральном Комитете, то фактиче-

ски его действия означают закон во всех делах в России. Но в комитете Коммунистического Интернационала все вопросы решаются представителями 51 страны.

Русская партия в собраниях Коминтерна имеет больший вес, чем какая-либо другая, благодаря своей власти в России, в то время как делегаты из других стран не представляют никакого ответственного правительства.

Сталин резюмировал после объяснения, которое я попытался выше передать в американских терминах:

Я не понимаю, как могут интеллигентные люди считать, что русское правительство ответственно за письма или утверждения членов Коминтерна. Они должны знать, что правительство С.Ш. не ответственно, хотя все его члены являются республиканцами, за утверждения или мнения индивидуальных членов республиканского национального комитета.

Компартия является правящей партией в России так же, как республиканская партия имеет в настоящее время федеральный контроль в С.Ш. Она решает общие вопросы политики. Но фактически администрирование и выполнение предоставлено чиновникам, не ответственным перед Коминтерном. Они решают, что хорошо для России.

Как чувствуют себя крестьяне

К примеру, Центральный Комитет может решать сосредоточить энергию на индустриализации страны, как мы это делаем сейчас. Это означает, что должны быть выстроены новые фабрики. Такое решение может быть принято Центральным Комитетом в результате одночасового обсуждения. Но народным комиссарам, которые могут быть сравнены с министрами в Англии, или Франции, или с кабинетом в Вашингтоне, или Берлине, может оказаться потребным двадцать заседаний для разрешения действительных проблем, заключающихся в этом вопросе, в вопросе о том, как устроить займы, кредиты.

«Возможно ли завоевать среднего русского крестьянина, который все еще пашет свою собственную землю, на сторону коммунизма?» — спросил я.

Вообще, очень мало может быть сделано пропагандой, — удивил меня Сталин ответом. Причины, по которым мы надеемся, что крестьяне в конце концов соединятся с нами, и при-

чины, по которым мы сейчас ведем их, заключаются в том, что мы создаем такие материальные, культурные условия, которые толкают их на нашу сторону. Крестьянин — практический человек. В чем его нужды? Он должен быть снабжен мануфактурными товарами по разумным ценам, ему нужен кредит, он хочет чувствовать, что правительство учитывает его интересы, помогает ему во время голода и хочет работать вместе с ним и для него.

Крестьяне понимают, что мы защитили их от бывших помещиков, которые хотели бы взять обратно свою землю. Мы даем им возможность культурной жизни, которую они никогда не имели раньше. Мы вовлекаем их в общеполитическую жизнь, так что они могут принимать в ней участие. На деле, мы даем им средства строить всю общественную жизнь так, чтобы удовлетворять их нужды. Мы, стоящие в центре власти, еще не сделали этого на 100%, но делаем это так быстро, как можем. Если бы это было не так, то крестьянин не сидел бы так спокойно.

Вы должны знать, что из 100 крестьян около 55 принимало участие на различных фронтах гражданской войны и лишь тогда впервые они поняли, что значит слово «государство». Раньше они знали только свою провинцию, или губернию. Теперь у них имеется чувство «государственного патриотизма». Они понимают, что значит их собственное национальное правительство. Они знают, что Россия станет более великой, чем Соединенные Штаты, управляемой единым Центральным Комитетом в интересах ее жителей.

Наши крестьяне склоняются к коммунизму без предрассудков. Во Франции и Англии крестьяне получили землю от собственников или средних классов в то время, как у нас они получили землю от социалистов. Они отдают себе в этом отчет.

Мы создаем через посредство кооперации такие условия, которые убеждают крестьян, что лучше быть с нами, чем против нас. Правда, что средние классы, мелкие крестьяне-землевладельцы, конечно, не в восхищении от нас, но, когда они учитывают свой опыт с капиталистами, которые не хотели даже говорить с ними, и свои отношения с коммунистами, которые говорят с ними, которые пытаются их убедить и не эксплуатируют их, не грабят, то этот контраст показывает им ясно, с кем они должны иметь дело. Они не думают, что мы идеальны, но что мы лучше, чем кто-нибудь другой.

В крестьянской работе есть две части — производство и распределение. Выгодность производства зависит от распределения. Эта часть крестьянской экономики организована на кооперативных основах. Мы уже влияем на 20 миллионов крестьян через потребительские или распределительные кооперативы. Крестьянин начинает понимать, что без этих коммунальных методов он никогда бы не мог зарабатывать денег, в которых он нуждается. Он начинает медленно вступать в производящие кооперативы, или коллективные организации.

Имеется примерно 15 тысяч таких организаций в России, но многие из них, возможно, ведутся нехорошо. Они в большинстве состоят из бедных крестьян, которые получили тракторы или с.х. орудия. С точки зрения целого, это еще мало показательно, но это важно как пример, ибо это показывает преимущества коллективного и механизированного крестьянского хозяйства. Крестьяне все больше стремятся вступать в такие коллективные организации.

Со времени революции мы национализировали также кредит, и это помогает крестьянам, ибо мы можем снабжать их дешевыми деньгами. Те, которые работают коллективно, получают кредиты на еще более хороших условиях. Так что здесь снова крестьянин оценивает нашу помощь и оценивает коммунизм. Будет гораздо труднее организовать кооперативы для продуктов земледелия, но в свое время это тоже будет сделано.

«Не являются ли религиозные секты организаторами лучших крестьянских коммун?» — спросил я.

Нет, члены сект более подозрительны и неохотно работают с другими. В Московской провинции есть несколько чрезвычайно хороших сектантов, которые прекрасно работают, но вообще они относятся отрицательно. Лучшими кооператорами являются демобилизованные из Красной Армии и те, которые были в германских концлагерях. Они поняли, что необходимо работать совместно.

Почему я стал коммунистом

«Если вы согласны ответить на вопрос о Вас самих, не объясните ли Вы, почему Вы стали коммунистом?»

Трудно описать процесс. Вначале человек приходит к убеждению, что существующие условия скверны и несправедливы,

затем он решает сделать все, что он может, для того, чтобы исправить это. При царском режиме всякая попытка простой помощи народу ставила человека вне закона, каждое такое лицо подвергалось преследованиям, как революционер.

Причины того, что сейчас в России имеется так много коммунистов, заключаются в том, что русский капитализм был самым жестоким и зверским в мире. Царское правительство также было наиболее развращенным, жестоким и неспособным. Даже наиболее мирно настроенные люди становились революционерами. Царское правительство не удовлетворялось тем, что заключало в тюрьмы коммунистов или социалистов, оно арестовывало всех, кто возражал против величайших несправедливостей, совершавшихся царскими министрами. Даже некоторые богатые и образованные люди посылались в тюрьмы, если они возражали против того, что делалось.

Большевики были единственными, кто имел ясную, резкую программу для помощи. Поэтому люди собирались вокруг них. Народ видел, что большевики действительно идут в тюрьмы и на смерть за их идеалы. Простые люди заражались таким образом и сами становились революционерами.

Когда я закончил мое интервью с вождем русского правительства, Сталин выразил надежду, что Америка вступит скоро в дружественные отношения с русским народом и правительством. Он сказал, что Россия нуждается сейчас в С.Ш. Возможно, наступит день, когда С.Ш. будут нуждаться в русской дружбе.

Как Сталин пробил дорогу к власти

Профессор Дэвис дает живой очерк советского лидера.

(Ниже мы даем очерк жизни и личности Сталина, написанный профессором Дэвисом, автором помещаемого интервью с теперешним властителем Советской России).

«История жизни Сталина более драматична, чем самые потрясающие детективные истории. Он родился в 1879 г. и его 47-летняя жизнь была наполнена боевыми действиями в большей степени, чем жизнь какого-нибудь другого властителя в мире. Его отец был грузином, жившим в Тифлисской провинции, на Кавказе, крестьянином, который занимался починкой

сапог. Его фамилия Джугашвили была оставлена сыном, когда он пошел на революционную работу и неоднократно арестовывался царской полицией. Он пользовался рядом революционных псевдонимов, но имя Сталин, которое означает сталь, окончательно было присвоено ему. В его теперешнем выдающемся положении это имя не совсем не свойственно ему.

Маркс против богословия

Мать Сталина была религиозна, и он сам был послан в богословскую школу — замечательный факт потому, что теперешнее русское правительство неверующее. Он был пойман за чтением Карла Маркса и выгнан из семинарии в 1897 г. В 18 лет он устремился в революционную агитацию.

Он избегал ареста до 1892 г., когда ему исполнилось 23 года. Он был приговорен к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь, но ему удалось бежать в 1894 г.

На конгрессе с.-д. партии между большевистской и меньшевистской фракциями Сталин впервые встретил и встал на сторону Ленина. С этого времени жизнь его представляет собой ряд арестов, побегов и революционных боев за его партию. Он был арестован 6 раз и провел 8 лет в тюрьме, или в изгнании, совершив 5 побегов. Позже он был редактором газет «Правда», «Рабочий и солдат», «Пролетариат», «Рабочий путь» и «Рабочий».

В большевистской революции он был одним из комитета 5-ти, который руководил восстанием. От 1917 по 1923 г. Сталин был народным комиссаром национальностей. Он создал успешную политику предоставления автономии и местной свободы национальностям внутри Союза. Попытки союзных армий сбросить «красную революцию» сделали Сталина активным бойцом и командиром против Юденича, Деникина и поляков. За героическую храбрость он был награжден высшим советским орденом — Красного Знамени.

Разделяет страдания

Для солдат Красной армии является обычаем приветствовать командира радостными возгласами. Однажды на фронте в декабре, близ Петрограда, Сталин заметил, что солдаты при-

ветствуют его без энтузиазма. Остановив одного, тесно сжатые «Почему?». Человек указал на свои ноги, обутые в соломенные сандалии. Сталин снял свои сапоги [из] хорошей кожи, дал их солдату, взяв взамен соломенные сандалии. Всю зиму Сталин носил соломенные сандалии, разделяя таким образом лишения своих людей.

Теперешнее официальное положение Сталина — Генеральный Секретарь Центрального Комитета Русской Коммунистической Партии, Член Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Член Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Но сейчас он является господствующим лицом в России. Он один из немногих видных русских революционеров, которые не жили вне России. Он стоит за чисто русскую политику против таких людей, как Зиновьев, которые готовы на все для мировой революции.

Говорит откровенно

Я был в Бюро Сталина по предварительному условию. Его помещение охраняется ночью и днем красными солдатами так, что никто не может войти без пропуска. После сердечного рукопожатия, я оказался сидящим за столом против сильной, магнетической личности с черными курчавыми волосами, мужественными усами, коричневыми глазами, с лицом, на котором виднелись следы, оставленные оспой, и с привлекательной, дружелюбной улыбкой.

На Сталине была надета типичная русская полотняная рубашка. Он говорил по-русски быстро. Его ответы на мои вопросы следовали моментально, без размышлений и, по-видимому, с полной искренностью. Он дал мне послание для передачи через прессу Херста, американскому народу. Я делал заметки в то время, как он говорил, но в некоторых местах, возможно, я не передал сталинских мыслей с точностью и полностью, ибо я переводил русскую речь, произносившуюся с быстротой пожара»¹.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 726. Л. 119—132. *Машинописный текст русского перевода.*

Перевод на русский язык беседы Сталина с профессором Д. Дэвисом намеревалась опубликовать на своих страницах редакция газеты «Ленинградская правда». Генсек, узнав об этом, направил письмо следующего содержания:

«В “Ленинградскую правду”.

Товарищи! Я только что прочитал перевод моей беседы с г. Д. Дэвисом по разным вопросам. Заявляю, что изложение моей беседы с г. Дэвисом, данное в газете “Нью-Йорк Америкен” и переведенное Вами на русский язык, и характеристика точки зрения Сталина в этой газете расходятся по крайней мере на 9/10 с действительностью, т.е. со всем тем, о чем и как я беседовал с г. Дэвисом. Сообщаю Вам, что беседа не записывалась никем, а изложение этой беседы, сообщенное “Нью-Йорк Америкен”, стало мне известно только от Вас.

Поэтому я ни в коем случае не могу согласиться на напечатание “беседы” в нашей печати.

6.XI.26 г.»¹

В следующем году, 15 августа 1927 г., проф. Дэвис, находясь снова в Москве, обратился к Сталину с просьбой принять его. Он писал, что газеты в прошлом году внесли некоторые изменения, но «в главном оно было правильным»².

Негативное отношение Сталина к тексту опубликованного интервью, данного им Дэвису, в значительной мере вызвано, на наш взгляд, тем, что оно появилось в печатном органе — газете «Нью-Йорк Америкен», принадлежавшей реакционному тресту Херста. Директор нью-йоркского бюро ТАСС К. Дюрант направил 6 октября 1926 г. письмо ответственному руководителю ТАСС Я.Г. Долецкому. Вместе с ним он отправил ему упомянутое интервью, а также редакционную статью этой газеты от 4 октября того же года, комментирующую это интервью. «Надо полагать, — писал он, — что как интервью, так и статья опубликованы печатью Херстовского треста во всей стране». Конкурирующие газеты в США обычно воздерживаются от комментариев по поводу «исключительных» материалов. Очень важна следующая часть письма: «Если бы интервью

¹ Там же. Л. 139.

² Там же. Л. 148.

со Сталиным было распространено агентством “Ассошиэйтед Пресс”, или даже если бы оно напечатано исключительно в “Нью-Йорк Таймс”, то оно, вероятно, вызвало бы обширные комментарии» (подчеркнуто Сталиным)¹.

Вот в этом, как говорится, и зарыта собака. Раз опубликовала херстовская газета, значит надо от нее откреститься, что и сделал Сталин в письме, направленном им в «Ленинградскую правду». Хотя все содержание опубликованного интервью дано в объективном и даже в известном смысле благожелательном для генсека духе.

Об этом же говорит и публикация от 4 октября 1926 г.

Газета «Нью-Йорк Америкен», опубликовавшая 3 октября 1926 г. интервью профессора Дэвиса со Сталиным, на другой день, 4 октября, выпустила статью под заголовком «Россия хочет договориться (поладить) с Сэмом». В ней сообщалось, что торговля между двумя странами в минувшем 1925 г. была, при отсутствии политического признания, в 2 раза больше по объему, чем в 1913 г. «В 1913 г., — писала газета, — мы давали менее 6% русского импорта; в прошлом году — 26,8%. Из русского экспорта в 1913 г. мы брали менее 1%, в прошлом году — 5%. 13 лет тому назад мы тащились за Германией и Британией в деловых сношениях с Россией; ныне мы обогнали Германию и близки к Британии»².

В личном фонде Сталина хранится также русский перевод вырезки из газеты «Джефферсон Каунти Юнион» (штат Висконсин) от 15 октября 1926 г. В ней весьма убедительно показаны симпатии американцев в отношении СССР, высокая оценка боевых традиций и заслуг русского народа, стремление к сотрудничеству и дружбе двух народов. Это на практике подтвердилось в годы Второй мировой войны. Заметим, что эта статья была опубликована за 7 лет до признания правительством США Советского Союза. Получается, что журналист и редакция провинциальной американской газеты оказались прозорливее правящих кругов своей страны.

Приводим вырезку из этой газеты (в русском переводе).

---

¹ Там же. Л. 138.

² Там же. Л. 134—135.

Вырезка из газеты «Джефферсон Каунти Юнион»

(Висконсин С.Ш.) 15 октября 1926 года¹

Это большая медвежья лапа

Еще несколько других эпитетов, таких, как «дядя Шейлок», «ростовщики» и т.д. и т.д. заставят дядю Сэма признать Россию и быть русским другом. Профессор Джером Дэвис из Иэля говорит, что Сталин — фактический правитель России — сказал ему: «Россия нуждается сейчас в С.Ш. Возможно, придет день, когда С.Ш. будут нуждаться в русской дружбе».

Это вызывает воспоминание о том, что во время нашей гражданской войны, когда Англия хотела признать Южную Конфедерацию и послала сюда суда и людей, Россия была запрошена относительно того, что она сделает в этом случае. Ее ответ был — что она «сделает многое». Тогда Англия попятилась назад. Дядя Сэм хотел сделать что-нибудь для того, чтобы показать свою благодарность. Россия нуждалась в семи миллионах двустах тысячах долларах для того, чтобы купить вооружение и предложила, что она хотела бы получить такую сумму и при этом она отдаст Аляску, чтобы это дело не выглядело как прямая взятка.

Для этой весьма нужной помощи от России мы можем позволить себе покончить с тем, что было, и начать наново, — Россия это не ничтожный союзник. Она отстегала всех врагов, которые пытались подчинить ее, даже блестящего Наполеона. Япония взорвала русский флот, но она не углублялась внутрь страны настолько, чтобы потерять из виду Тихий океан. Если бы япошки пошли в Москву, то они никогда не вернулись бы назад. Они были близки к тому, чтобы попытаться сделать это, когда Теодор Рузвельт предложил быть посредником, остановил столкновение и получил Нобелевскую премию за то, что был лучшим миротворцем на земле.

Никто не осмеливается драться с Россией. Она заманивает своего врага глубоко в свои границы, затем сжигает хлеб в тылу у него, ломает железнодорожные пути и превращает напавших на нее в бродяг, которые чуть не умирают голодной смертью, прежде чем им удастся выбраться из ее владений.

---

¹ Прислана в адрес И.В. Сталина.

Наполеон шел на Москву, ожидая найти там хорошие блюда, но всё, что он нашел — это был пепел. Вокруг не было, по-видимому, того, в кого можно было стрелять, поэтому он направился назад и он шел по пеплу всю дорогу до Польши, борясь до последнего, чтобы сохранить свою собственную шкуру. Конечно, это является негативной борьбой, но русский медведь может выдержать и стоячую борьбу; русские храбры в равном бою. С пятью тысячами аэропланов на каждого, Россия и С.Ш. могут отхлестать любую коалицию, которая может возникнуть против них. Они также соединяются друг с другом в Беринговом проливе. Этот пролив представляет очень грозные перспективы для любого другого народа во время войны. Стратегически нельзя себе представить лучшей пары для совместной работы в настоящее время, когда Россия закапывает немножко свой коммунизм и становится более разумной. Пусть лучше Европа будет более любезной в отношении Дяди Сэма, иначе он схватит большую медвежью лапу и скажет: «Давай потрясем»¹.

Приведенные документы и факты, связанные со встречей американского профессора и советского руководителя, убедительно показывают, как в США рос интерес к нашей стране, как созревали предпосылки для делового сотрудничества двух крупнейших государств мира. Вместе с тем они показывают подлинное отношение к Сталину представителей прогрессивной общественности США.

Сталин особое внимание обращал на развитие экономических отношений с США. Об этом говорит ряд документов, выявленных нами в его личном архивном фонде. Так, представляет немалый интерес следующий документ:

«Шифровка И.В. Сталина в Амторг (Нью-Йорк) Брону и Рогову об условиях заключения договор в США о постройке автозавода в СССР.

30 октября 1928 г.

В ответ на № 563 могу дать следующую информацию. Первое. Вопрос об автомобильном заводе представляет крупнейшее дело нашего строительства. Дело пахнет здесь десятками, если не сотнями миллионов. Мы не имеем права проявлять

¹ Там же. Л. 115—116. *Машинописный текст русского перевода.*

здесь излишнюю торопливость. Без практического выяснения вопроса о мощности завода, материалах для завода, валютных возможностях при закупке машин, стоимости машины, кредитных возможностях, точного срока постройки завода, ответственности контрагентов за своевременное окончание завода, элементов неустойки в случае нарушения договора и т.д. Мы не можем дать контрпроекта, не можем подписать договор. Я знаю, что оттяжка в этом деле роняет наш престиж в глазах фирм. Но мы вынуждены интересы дела поставить выше интересов престижа. Таково наше единогласное мнение. Второе. Конкретная разработка вопроса идет в специальной комиссии из хозяйственников и финансистов. Эта работа будет закончена к первому ноября. Возможно, что нам придется немедля послать на помощь вам несколько человек из хозяйственников с тем, чтобы решить вопрос совместно с вами в Нью-Йорке на основе конкретной директивы, имеющей быть выработанной на днях. Третье. Мы бы предпочли договор с Фордом при стотысячном производстве, но мешают нам три обстоятельства: отсутствие кредита, большие валютные расходы, недостаток металлов в стране. Дженерал Моторс дает в этом отношении некоторое облегчение, но машины у него дороже, ответственности за постройку завода меньше, валютных расходов, пожалуй, же меньше, чем по проекту Форда, по вопросу же о тракторах разговаривать не хочет. Нас мог бы устроить завод с производством в 50 тысяч в одну смену при кредите, строжайшей ответственности за постройку завода в срок и известной дешевизне машины. Во всяком случае в два-три дня получите вполне ясный ответ.

Сталин»¹.

Содержание шифровки показывает, насколько глубоко вникал генсек во все детали предполагаемого договора, как стремился он к тому, чтобы условия соглашения были максимально выгодны для СССР.

Руководство страны во главе со Сталиным проявляло большую заинтересованность в ускорении принятия решения о

---

¹ Там же. Л. 105—106. *Заверенная копия*. Амторг — американо-советское акционерное общество, основанное в Нью-Йорке в 1924 г. С.Г. Брон — председатель правления Амторга.

строительстве в Нижнем Новгороде автозавода с помощью американских фирм.

Направленной в США советской делегации в составе Брона, Рогова, Шейнмана и Межлаука Сталин послал 8 февраля 1929 г. шифром телеграмму следующего содержания: «Здесь очень недовольны затяжкой переговоров с автозаводом. Требуем ускорения дела и сообщения результатов о переговорах с Моторсом»¹.

В тот же адрес генсек послал шифром 11 февраля такое сообщение: «Передаю решение инстанции: 1) повторно требуем не отвлекаться на другие дела в ущерб интересам автозавода; 2) требуем ускорения переговоров с Моторсом дабы не был пропущен строительный сезон; 3) требуем регулярной информации о положении переговоров с Фордом и Моторсом»².

В контексте этих переговоров находилось и решение Политбюро ЦК о приезде в СССР американской торговой делегации. 21 апреля 1929 г. Сталин направил в Амторг Брону следующую телеграмму: «Ответ инстанции: советское правительство не возражает против приезда американской торговой делегации...» Но надо, чтобы «оно не могло быть истолковано как приглашение с нашей стороны»³.

Сбольшим вниманием следил Сталин за начавшимся в США экономическим кризисом. 21 ноября 1929 г. он направил в Амторг Брону шифровку: «Ваши данные о хозяйственной депрессии в Америке очень интересны. Просьба и впредь информировать Москву»⁴.

Из числа американских корреспондентов со Сталиным встречался корреспондент газеты «New York Times» Дюранти, представлявший в Москве эту газету с 1921 г.

Их беседа состоялась 27 ноября 1930 г. В телеграмме, посланной в свою редакцию, журналист передал содержание беседы и свои впечатления о собеседнике. Приводим текст телеграммы:

«Сталин — самая интересная личность в мире. Однако из всех национальных лидеров его менее всего знают, он стоит

---

¹ Там же. Л. 7.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 111.

вдали от всех таинственный, как тибетский Далайлама. Он беседовал уже с несколькими иностранцами: в 1923 г. дал интервью одному немецкому, в 1924 г. — одному японскому корреспонденту, виделся с главами нескольких делегаций, с американским консультантом Купером — в этом месяце он дважды нарушил свое молчание и сегодня дал Вашему корреспонденту связное изложение своих взглядов на общее мировое положение и еще более драгоценную возможность оценить его характер и заключенную в нем силу, которые привели его из лачуги сапожника в Кремль. Внутренний бог Сталина — если воспользоваться этим выражением Платона — это сила воли — невероятная сдержанность, господство над самим собой и сила задерживающих центров. Для Вашего корреспондента дух и личность великих людей куда интереснее, чем то, что они говорят. С чувством, напоминающим зубную боль, приходится передать слова Сталина до того, как дан его портрет. Но это Сталин — преемник Ленина, вождь коммунистического движения в России и во всем мире — и его слова должны стоять на первом месте.

Сталин сказал: нынешняя экономическая депрессия очень тяжела и будет еще тяжелее; это худший из периодических кризисов, отмечающих прогрессивный упадок капиталистической системы, но я не думаю, чтобы это был последний или кульминационный кризис. Капитализм еще силен и оправится, но последний год обнажил его фатальную слабость — капитализм не может существовать без рынка, а взаимное соперничество капиталистических государств закрывает для них их же рынки. Таким образом, более сильное государство вынуждено оказывать давление на слабые. В результате мировой войны некоторые европейские страны сильнее страдают от нынешнего кризиса, чем другие, некоторые — являются более слабыми и отсталыми и более сильные государства ищут выхода из своих затруднений за счет первых. Кризис прорвется, естественно, в той стране, которая более всего поражена кризисом, потому что где тонко, там и рвется.

Сталин говорит медленно, с мягким южным акцентом, фраза за фразой, со скупыми слогами и жестами.

Значит, вы думаете, что новая война неизбежна?

Сталин: когда, где и под каким предлогом она начнется — я не претендую этого предсказывать. Но неизбежно, что уси-

лия более сильных государств преодолеть экономический кризис заставят их сломить своих более слабых противников. Это пока еще не означает войны до того дня, когда государства-гиганты должны будут сражаться между собой за рынки.

Голос Сталина все еще спокоен, но в тоне чувствуется вибрация энергии. Он помолчал минуту, сложил кончики пальцев и продолжал: законом капиталистического общества является хищничество сильных за счет слабых. Во многих сильных государствах есть люди, которые ясно видят это и хотят прибегнуть к самому легкому способу — к войне. Иногда эти войны принимают характер колониальной экспансии или экспедиции, но во всяком случае дух агрессии никогда не умирает. С другой стороны, в сильных государствах есть более дальновидные элементы, которые ведут расчеты более осторожным образом и опасаются, что война — особенно новая война в Европе — слишком рискованна и может принести им больше убытка, нежели прибыли. Они сдерживают горячие головы, и таким образом получается известное равновесие между двумя группами, окончательные результаты которого определяются обстоятельствами. Обе группы с готовностью сокрушают слабого врага, если это может быть и сделано с небольшим риском или без риска, но в данный момент им не представляется такой легкой и выгодной авантюры. Они могли бы попытаться сделать это с нами 5 или 6 лет тому назад, но они слишком долго ждали и теперь уже слишком поздно.

Сталин бросил последние слова не повышая голоса, но с внезапным приливом сдержанной силы, действовавшим как удар.

Он продолжал: Вы знаете, что Европа напоминает сейчас вооруженный лагерь, где из народов выжимается все более средств для вооружений, между тем некоторые из них, в результате экономического кризиса, являются теперь полубанкротами. Так оно не может продолжаться, где-нибудь найдется точка разрыва. Дальновидные элементы повсюду стараются остановить движение, но они бессильны. Поглядите на Женевскую конференцию — она демонстрирует бессилие Лиги Наций справиться с растущей опасностью. Конечно, каждый должен понять, что дальше так продолжаться не может.

Вы хотите сказать, что европейское «статус-кво», установленное Версальским миром, не может продолжаться?

Сталин: я не думаю, что Версальское соглашение — он сделал паузу — может продолжаться. Затем он решительно добавил — оно не может продолжаться.

Предположим — сказал Ваш корреспондент — что элементы, настроенные против войны, о которых Вы говорили, поймут опасность и попытаются избежать ее путем мировой экономической конференции или другими аналогичными средствами. Каково будет отношение к этому СССР?

Сталин: уже произошли небольшие конференции аграрных государств. Теперь говорят о более крупных конференциях государств — производителей зерна. Если нас пригласят, СССР приглашение примет. Мы уже послали Осинского на одно из таких совещаний — это вероятно относится к совещанию американских фермерских кругов и Канадского пшеничного концерна, на котором присутствовал Осинский 2—3 года тому назад в Канаде — и мы были бы готовы принять участие в попытке урегулирования цен и координирования потребления с предложением.

Значит Вы не видите, почему бы капиталистическая и коммунистическая система не могли бы существовать одна рядом с другой без борьбы?

Они не воевали друг с другом в течение 10 лет — сухо сказал Сталин. Мы не хотим воевать и кое-кто с их стороны не хочет этого, и мы готовы в этом смысле лить воду на их мельницу — эта фраза означает готовность вести их игру или делать с ними дела (примечание корреспондента). Тут замешаны многочисленные факторы — принесет ли прибыль война против нас и как велик будет риск. Они знают, что мы будем воевать до последнего человека.

Интересно отметить, что за весь разговор Сталин ничем не проявил сомнений, слабости или неуверенности в России. Он смотрит вперед, а не назад и ни разу даже не упомянул о теперешних трудностях.

Хорошо — сказал Ваш корреспондент. — Возьмем Америку. Вы не хотите войны, Америка не хочет войны, это два крупнейших государства современного мира. Почему Вам не пойти друг с другом и не проявить вашей воли к миру?

Сталин несколько кисло усмехнулся: Америка знает нашу установку. Мы сделали, что могли, но навязываться не будем. Мы все еще готовы сделать то, что я говорил — уладить во-

прос о долгах и претензиях уплатой сверх процента на кредиты или займы и возобновить регулярные дружественные отношения, как сделали с остальными великими державами. В Америке знают, что мы можем платить и выплачиваем свои долги, выполняем свои обязательства. Теперь очередь за Америкой. Сверхпроцент — очень небольшой процент, соглашение с Америкой по вопросу о долгах достаточно легко, это сравнительно пустяки, но тут что-то другое — он сделал паузу и задумчиво повторил, как бы сам озадаченный этим — тут что-то другое.

Вы имеете в виду — смело вмешался Ваш корреспондент — большевистскую пропаганду или так называемую теорию «вооружения грабителя». Как говорят многие американцы, зачем помогать строительству государства, чья открыто признаваемая цель — свержение американской конституции и разрушение всего того, что, как мы считаем, создало величие Соединенных Штатов.

Сталин не дал взволновать себя. Американцы хотят заключения сделок — довольно резко сказал он, — и мы платим им, неправда ли, мы платим даже самые высокие цены, как Вы и они знают. Также точно Вы можете сказать, что и мы их вооружаем и помогаем поддерживать против нас их капиталистическую систему. Нет, — сказал он опять, уже помягче, — все это чепуха, совсем не в этом дело. Все эти разговоры о пропаганде просто смешны. Дело не в пропаганде — он с силой подчеркнул это слово — конституции и системы изменяются в силу естественных причин, а не разговорами или книгами.

Вашему корреспонденту вспоминается, что сказал маршал Фош: «Дела, а не слова». Клемансо: «Я веду войну». Так говорили два других сверхчеловека современной истории. Быть может, это настойчивое подчеркивание факта по сравнению с разговорами объясняет то, что Сталин был до сих пор таким сдержанным.

Сталин продолжал: в старое время у нас обвиняли французских или немецких радикалов за беспокойство в России, забывая, что не социалистическая пропаганда, а жизненные условия определяют ход вещей. Они, пожалуй, говорят в Америке, что мы реэкспортируем немецкий социализм — это не значит, конечно, что германские социалисты настоящие революционеры.

Резэкспорт готовых фабрикатов, — вмешался Ваш корреспондент, — усовершенствованных благодаря Вашему опыту и научно приспособленных к современным потребностям.

Ничего подобного, — нетерпеливо сказал Сталин. Я допускаю, что большевики тщательно изучали английскую, французскую, американскую революции, особенно в части программы меньшинства, которая была по преимуществу действительно революционной. В действительности мы, вероятно, больше знаем об этом, чем большинство ваших историков. Но не это наш резэкспорт. Если Вы хотите сказать, что мы резэкспортируем практический опыт по созданию социалистического государства — то тогда Вы правы, и я принимаю Ваш комплимент. Это мы и делаем. Мы показываем посещающим Россию иностранцам и всему миру, что социалистическое государство возможно, что оно растет и будет преуспевать независимо от того, нравится ли это кому-нибудь или нет. Социалистическое государство будет развиваться и существовать, и им придется его изучать. Помогут ли нам или нет — тут мы стоим и здесь останемся»¹.

Конечно, руководящие круги США тоже искали пути улучшения отношений наших двух стран, в частности, в области экономических взаимосвязей.

Видным бизнесменам, посещавшим СССР, нередко давались поручения для выяснения экономической ситуации в нашей стране. Об этом говорит, в частности, записка Я.Э. Рудзутака на имя Сталина от 26 августа 1930 г. Рудзутак в то время был зам. председателя СНК СССР и СТО, членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он сообщал Сталину: «Был вчера Купер. Он хочет видеть тебя. Хочет информировать о настроении деловых кругов к нам». Президент Гувер просил Купера «особо детально ознакомиться с нашим экономическим положением». Рудзутак писал о желательности приема Купера Сталиным. Генсек ответил 27 августа: «Все зависит от ЦК, как прикажет ЦК, так и будет сделано»². Как видим, в данном случае Сталин высказался как законопослушный член ЦК партии, хотя во многих

¹ Там же. Д. 726. Л. 161—165.

² Там же. Д. 75. Л. 27. Купер Хью Л. — американский инженер-гидростроитель, возглавлял на Днепрострое группу американских специалистов; впоследствии — председатель Американско-русской торговой палаты.

других случаях, как уже нами отмечалось, он отстаивал свои предложения, отличные от мнения других членов руководящего органа.

Спустя год, 21 августа 1931 г., Г.К. Орджоникидзе сообщал Сталину, находившемуся в Цхалтубо, что Купер вернулся с Магнитной, посетил автора данного сообщения, спрашивал, принимаем ли мы его предложения. Сталин в тот же день ответил: «Советую сказать Куперу, что его предложения будут рассмотрены правительством не раньше октября, когда вернутся с отпуска члены правительства — Молотов и другие»¹.

В целом отношения с Купером носили деловой, уважительный характер. Его вклад в строительство Днепрогэса был отмечен высокими наградами советского правительства.

Сталин был весьма принципиален в вопросах развития экономических отношений с другими странами, в том числе и с США.

Так, 25 августа 1931 г. он направил Кагановичу предложения: «Первое. Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредита в Америке высказываюсь против каких бы то ни было новых заказов на Америку; предлагаю воспретить дачу новых заказов на Америку; прервать всякие уже начатые переговоры о новых заказах и по возможности прервать уже заключенные договора о старых заказах с переносом заказов в Европу или на наши собственные заводы. Предлагаю не делать никаких исключений из этого правила ни для Магнитогорска и Кузнецкстроя, ни для Харьковстроя, Днепростроя, АМО и Автостроя. Предлагаю отменить все предыдущие решения Политбюро, противоречащие этому решению.

Второе. Против договора с бельгийцами о варрантном кредите не возражаю.

Третье. С КВЖД можно подождать².

Сталин».

26 августа на имя Орджоникидзе он сообщал: «Письмо получил. Ответ идет письмом. Насчет американских заказов не согласен. Если не откажемся от заказов на Америку и хулиганских условий кредита, практикуемых в Америке, мы рискуем

¹ Там же. Д. 76. Л. 27—27 об.

² Речь идет о советско-китайской конференции (IV—X 1931 г.). См.: ДВП. Т. XIV. С. 786—788.

лишиться тех льготных условий кредита, которые завоевали в Европе. Ты этого не учитываешь, а это главное».

В тот же день генсек пишет Кагановичу: «Директиву Розенгольца насчет экспорта в Италию считаю слишком умеренной. Нужно добавить пункт с угрозой о том, что в случае неудовлетворения наших требований, прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии...»¹.

Но затем произошло потепление в отношениях с Италией. 1 сентября 1933 г. Сталин согласился с мнением Политбюро ЦК насчет предложений Муссолини подписать не позже 2 сентября пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете².

Но вернемся к вопросу об отношениях с США. 28 августа 1931 г. Сталин направил на имя Кагановича предложение: «Комиссии ВСНХ в Америке следует отозвать без демонстрации, то-есть по частям»³.

Весьма предметно отнесся генсек к предложениям председателя Американско-русской торговой палаты Х.Л. Купера. Об этих предложениях сообщали Сталину, Молотову и Калинин у Каганович, Ворошилов и Куйбышев 22 августа 1932 г.: «В разговоре с Межлауком Купер предложил от имени “Дженерал Моторс” продать нам 100—200 тыс. подержанных автомобилей — грузовых и легковых — с гарантией, что они будут работать еще не менее 150 тыс. км, полностью снаряженных и обутих новой резиной по очень низкой цене в среднем около 200 долларов за автомобиль с длительным кредитом (10-летний кредит)... К таким условиям вынуждает американцев кризис сбыта. “Дженерал Моторс” просило через Купера разрешить прислать в СССР своего человека для ведения переговоров по этому вопросу».

Авторы письма предлагала дать согласие на присылку представителя «Дженерал Моторс»⁴.

Сталин и Молотов ответили 23 августа: «Дело о подержанных автомобилях “Дженерал Моторс” очень подозрительное.

---

¹ Там же. Д. 76. Л. 33—34, 36—37, 42—43. *Автографы*. Относительно Италии Политбюро ЦК 27 августа приняло предложения Сталина.

² Там же. Д. 80. Л. 64. Договор был подписан 2 сентября 1933 г. Потемкиным и Муссолини и ратифицирован в Москве и Риме в октябре 1933 г. (ДВП. Т. XVI. С. 494—496).

³ Там же. Д. 76. Л. 45.

⁴ Там же. Д. 78. Л. 63.

Нас могут надуть и постараются сбыть всякий хлам. Тем более, что наши приемщики никогда не отличались добросовестностью и бдительностью. Тем не менее следует попытаться купить не более 50 тысяч штук автомобилей, если цена будет более низкая, скажем, 100 долларов и кредит не менее 10 лет. Если соглашение на 50 тысяч даст хорошие результаты, и машины окажутся действительно годными, можно будет купить еще такое же количество машин. Обязательно надо выяснить вопрос о запасных частях, и сделку надо понимать так, что машины продаются с запчастями. Нам нужны главным образом грузовики. Поэтому из 50 тысяч машин следует взять 45 тысяч грузовых и 5 тысяч легковых»¹.

Несмотря на возникавшие трудности во взаимоотношениях с деловыми людьми Америки, Купер испытывал добрые чувства к советскому народу и его руководителям. Это он выразил в новогоднем поздравлении на имя Сталина: «Наилучшие личные пожелания к 1933 году. Гляжу с доверием вперед на новый год, с сильной надеждой и ожиданиями, что реальный фундамент будет вскоре установлен к взаимно удовлетворяющему политическому и экономическому сотрудничеству между нашими великими странами»².

Купер нередко выступал в качестве посредника между деловыми кругами США и руководством СССР. Как сообщали Сталину Каганович и Молотов, 16 июня 1932 г. председатель Совнаркома СССР получил от Купера телеграмму, в которой тот передал через председателя правления Амторга П.А. Богданова предложение об организации группы из восьми «выдающихся американских деловых людей для изучения возможностей торговли Соединенных Штатов с Советским Союзом». Каганович и Молотов сообщили, что «решили дать положительный ответ через Богданова».

На другой день Сталин ответил: «Насчет Купера не возражаю»³.

Генеральный секретарь ЦК нередко вникал в детали экономических и финансовых соглашений. Вот, к примеру, его ре-

¹ Там же. Л. 61—62.

² Там же. Д. 755. Л. 79 (перевод). Оригинал — Л. 80.

³ Там же. Д. 77. Л. 65.

комендации об условиях получения кредита от американского банкира Ланкастера.

21 июня 1932 г. он направил свои предложения Кагановичу и Молотову: «Беседу с Ланкастером читал. По-моему, мы должны стараться получаемый кредит, который Ланкастер считает кредитом для обслуживания наших заказов в Америке, — превратить фактически в заем, максимально свободный от обязательств. В связи с этим надо заявить Ланкастеру, что при получении 50 миллионов долларов на 8 лет из 7 процентов годовых плюс 5 процентов добавочных мы можем использовать для заказов в Америке максимум 5—7 процентов суммы кредита. Это, конечно, не понравится ему. Но тогда надо заявить ему, что мы могли бы использовать на заказы в Америке 15—20 процентов суммы кредита, если получим 100 миллионов долларов сроком на 10 лет и при обязательном снижении добавочного процента с пяти до трех. На этом надо стоять крепко и посмотреть, как будет реагировать Ланкастер. Теперь ясно, что главная забота Ланкастера — это размер заказов в Америке. По этому месту и надо бить его.

Сталин»¹.

Сталин продолжал следить за переговорами с Ланкастером.

1 июля 1932 г. он направил Кагановичу и Молотову сообщение: «Первое. Читал последнюю беседу с Ланкастером. Схемы Ланкастера неприемлемы. Мы можем пойти на частичное удовлетворение претензий частного банка лишь при условии получения большого займа. Это основная наша предпосылка. Без такой комбинации соглашение исключено. Поэтому мы должны стоять твердо на базе нашей схемы, предложенной Ланкастеру 27 июня. Можно в крайнем случае пойти на увеличение наших заказов в Америке до 30 процентов от займа, а в случае признания СССР — до 35 процентов...

Третье. Поручите Наркомзему или Госплану дать официальное сообщение или интервью о том, что виды на урожай у нас хорошие и урожай будет лучше прошлого года. Это возымеет действие на Ланкастера.

Сталин»².

¹ Там же. Д. 77. Л. 81—81 об. *Автограф*. Ланкастер В.В. — один из руководителей National City Bank of New York.

² Там же. Л. 129—130. *Автограф*.

Каганович 2 июля ответил Сталину: «1) О Ланкастере соответствующие указания даны Межлауку. 2) Данные о видах на урожай сегодня готовятся, завтра Вам сообщим и опубликуем в печати...»¹.

Очередное предложение о контактах поступило от американского полковника Поппа. Об этом сообщали Сталину 26 июня 1932 г. Каганович и Молотов. Они писали, что Попп, «ведший разговоры с К. Радеком, просил, чтобы его принял кто-либо из официальных представителей правительства — Крестинский или другой. Предполагаем, сообщали они, разрешить Межлауку с участием Осинского, Пятакова, Радека и англо-американского референта НКВД устроить Поппу завтрак. Попп также запросил, готовы ли мы принять неофициального представителя США». Каганович и Молотов заявили: «...Мы предполагаем дать ответ в духе Вашего письма, что мы готовы принять официального или полуофициального представителя в обмен на соответствующего нашего представителя в Америке».

Попп просил также, чтобы кто-либо из известных Америке советских деятелей дал бы ему письмо о том, что СССР не стремится произвести в Америке революцию. Авторы письма считали, что этот вопрос необходимо отвести как не имеющий серьезного значения.

На этот раз Сталин выразил свое согласие со всеми этими предложениями².

Осень 1933 г. была временем активных дипломатических контактов между правящими кругами СССР и США. Дело шло к признанию Соединенными Штатами Советского Союза. Но на пути к этому возникали препятствия, создававшиеся представителями американского госдепа.

Об этом сообщали Сталину Каганович и Молотов 13 октября. Они переслали генсеку текст шифровки дипломатического агента НКВД в США Б.Е. Сквирского, в которой содер-

---

¹ Там же. Л. 141.

² Там же. Д. 77. Л. 102. Ответ Сталина от 27 июня. В.И. Межлаук — в то время первый заместитель председателя Госплана СССР; Н. Осинский — нач. ЦСУ СССР; Г.Л. Пятаков — зам. председателя ВСНХ СССР; К.Б. Радек — зав. Информационного бюро по международным вопросам при ЦК ВКП(б). Речь шла о приеме Попа (Фр. Поупа) — президента инженерной компании Нью-Йорка, заключившей соглашение о техническом сотрудничестве с предприятиями советской химической промышленности.

жалось сообщение специального помощника госсекретаря США У.К. Буллита.

Каганович и Молотов предложили через Сквирского сообщить Буллиту, что его сообщение не удовлетворяет советскую сторону, что оно игнорирует всегдашние заявления советского руководства о необходимости предварительного восстановления нормальных отношений до обсуждения спорных вопросов. Так это было сделано Англией, Францией, Италией и другими странами, писали Каганович и Молотов.

«Мы считаем необходимым, — продолжали они, — безоговорочный обмен нотами о восстановлении отношений, после чего готовы будем обсуждать любые вопросы. Мы не исключаем, однако, возможности предварительного обсуждения с президентом некоторых вопросов процедурного характера, если Рузвельт на этом настаивает, но для этого нам необходимо знать перечень и формулировки этих вопросов. Только тогда сможем предлагать поправки к тексту письма Калинину.

Просим сообщить Ваше мнение»¹.

В тот же день, 13 октября, в 3 часа 51 минуту поступила на имя Сталина шифровка от Сквирского. Тот сообщал, что из Нью-Йорка его вызвал для срочного свидания с ним представитель американского правительства Моргентау. В шифровке говорилось, что недавно Сквирский с ним встречался, тот заверил в дружественных планах Рузвельта. Затем появился из госдепа Буллит и пока неофициально передал проект письма на имя Калинина «для передачи Вам». Если текст письма приемлем для советского правительства и Сквирский сообщит об этом Рузвельту через Буллита или Моргентау-мл., то Рузвельт подпишет его для вручения его Сквирскому для ответа от имени Калинина. «Если Москва не согласна с текстом или ее поправки не будут приемлемы, то обо всем происшедшем сохраняется полнейшая секретность. В случае соглашения в прессу дается лишь согласованный текст заявления при согласии на это обеих сторон».

Ознакомившись с ним, Сквирский указал, что вопрос сводится к предварительным переговорам, против которых совет-

---

¹ Там же. Д. 81. Л. 134. Б.Е. Сквирский был дипломатическим агентом НКВД в США в 1923—1933 гг., в 1933—1936 гг. исполнял обязанности советника полпредства СССР в США.

ское правительство всегда возражало. Буллит ответил, что документ означает нечто большее, раз Сквирскому будет вручено официальное письмо президента и раз президент приглашает наших представителей для разговора лично с ним. «Я, конечно, согласился на полную секретность и на передачу текста письма в Москву.

При теперешних отношениях с японцами я рекомендовал бы приезд Литвинова в Вашингтон для разговора с Рузвельтом. Это укрепило бы наше положение»¹.

Опять-таки 13 октября в 5 часов 36 минут Сталину была направлена шифровка, представлявшая собой текст послания Рузвельта на имя Калинина².

В тот же день Сталин и находившийся вместе с ним Я.Э. Рудзутак ответили: «Мы думаем, что надо согласиться на текст письма Рузвельта и потом, по получении его официального письма на имя Калинина, ответить, что посылаем своего человека для разговора с Рузвельтом. Лучше будет послать Литвинова»³.

Генеральный секретарь счел необходимым напомнить Кагановичу и Молотову 16 октября: «...Поторопитесь с ответом Рузвельту. Обстановка теперь такова, что наш положительный ответ может дать желательное решение вопроса. Мы получаем плюс также на Дальвосте (Дальнем Востоке. — С.Х.)»⁴.

16 октября в Гагры пришло сообщение на имя Сталина от Кагановича и Молотова. В нем говорилось: «Сквирский сообщил, что Рузвельт ожидает получить проект полного текста ответа Совпра на проект его обращения. По получении такого приемлемого текста Сквирскому будет передано официальное сообщение Рузвельта. Посылаем Вам две шифровки Сквирского и проект ответа Калинина...

Просим сообщить Ваше мнение. Кроме того сообщаю, что Литвинов считает нецелесообразным свою поездку и предла-

---

¹ Там же. Д. 81. Л. 136. Г. Моргентау в 1933 г. был зам. министра финансов США, в 1939—1945 — министр финансов.

² Там же. Л. 138. Послание Рузвельта опубликовано в: Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1970. С. 564—565. Датировано 10 октября 1933 г. Ответ М.И. Калинина от той же даты — там же. С. 565.

³ Там же. Л. 134. *Автограф Сталина*.

⁴ Там же. Д. 82. Л. 2. *Автограф*.

гает послать Сокольников, мы же стоим на прежней позиции и считаем, что нужно поехать Литвинову»¹.

Ответ Сталина от 17 октября гласил: «Ваш проект ответного письма Рузвельту считаем правильным. Настаиваем на посылке Литвинова. Действуйте смелее и без задержек, так как сейчас обстановка благоприятна»². Рукой Чечулина: «Калинин согласен» (в тексте Сталина слова «считаем», «настаиваем» было сперва «считаю», «настаиваю»). Приводим текст первой телеграммы Сквирского от 16 октября (послана Сталину в Гагры 17 октября): «Встретился с Буллит[ом] только что, так как он выехал на день, Моргентау-младший уехал на несколько дней. Я передал Буллиту Ваш ответ. Он при мне созвонился с секретарем Рузвельта. Последнего он увидит сегодня же и передаст ему этот ответ. Буллит заявил мне, что президент ожидает получить от меня проект полного текста ответа Совпра на проект его обращения. По получении такого приемлемого текста мне будет передано официальное обращение Рузвельта. Во избежание излишних задержек срочите полный текст. Вашего короткого ответа недостаточно. Подробности разговора дополнительно. Сквирский»³.

Вторая телеграмма из Вашингтона от 16/X—33 г., посланная в Гагры Сталину 17 октября 1933 г., гласила: «На основании своих разговоров с президентом Буллит снова предложил следующий порядок: 1) Я передаю ему для Рузвельта запрошенный мною от Вас проект полного текста ответа Калинина по существу письма президента, уже согласованного с Вами. 2) Если текст нашего ответа приемлем, то мне будет вручено официальное письмо президента. 3) По получении этого формального письма я отвечаю Рузвельту, по поручению Калинина, нашим письмом. 4) После обмена письмами будет решен вопрос о дне опубликования и содержания заявления для прессы. 5) Предполагается, что к этому времени я получу от Вас сведения для сообщения Рузвельту, кто представит СССР в разговоре с ним.

---

¹ Там же. Л. 6—7. Текст ответа опубликован в: ДВП. Т. XVII. С. 565. Совпра — советское правительство. Г.Я. Сокольников в то время был зам. наркома по иностранным делам СССР.

² Там же. Л. 5. С.Ф. Чечулин — с 1930 г. сотрудник Секретного отдела ЦК ВКП(б).

³ Там же. Л. 8.

Буллит настроен очень оптимистически, заявляя, что президент хочет не только установить нормальные отношения, но и тесный контакт. Сквирский»¹.

Было решено, что делегацию СССР возглавит нарком М.М. Литвинов. Однако сам он был другого мнения. В шифровке Литвинова от 16 октября 1933 г. в Гагры говорилось: «Проект письма Рузвельта и приглашение послать представителей, а не одного, указывает на его стремление вести по всем вопросам, включая денежные претензии, переговоры по существу. Переговоры будут вестись в обстановке бешеной кампании мобилизованных сил, враждебных нам организаций, к давлению которых Рузвельт весьма чувствителен. Мое личное участие в переговорах может быть истолковано как наша чрезмерная заинтересованность и готовность на большие уступки. Оптимизм Сквирского и Буллита может не оправдаться. При этих обстоятельствах считал бы более правильным послать не меня, а Сокольников. Возможно, что переговоры придется прервать, и тогда я поехал бы в случае возобновления.

Литвинов»².

Однако в приезде в США именно наркома по иностранным делам выразила заинтересованность и американская сторона. Об этом сообщил Сквирский в очередной шифровке. Ее текст отправили в Гагры Сталину 19 октября 1933 г. Она была адресована Литвинову и была получена в тот же день. Вот ее текст: «Сегодня утром передал Буллит[у] проект вашего ответа. Слова “правильных сношений” я перевел в проекте “регуляр — релейшен”. Рузвельт, по словам Буллит[а], заявил, что слово “регуляр” будет истолковано оппозицией как признание СССР еще до встречи с Литвиновым, что вызовет резкую критику по его адресу и повредит делу. Он просил заменить это слово. Буллит предложил слово “директик” вместо “регуляр”. Чтобы не тормозить всего дела и учитывая, что такая замена по-существу ничего особенно не меняет в тексте, я согласился. Вечером Буллит меня посетил и вручил мне письмо за подписью Рузвельта. Я передал ему наше письмо от имени Калинина и приложил к нему свое препроводительное письмо на имя Рузвельта, подписавшись “За НКВД”. Таким образом мы

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 10.

применили весьма упрощенную процедуру. В пятницу в 4 часа 30 минут дня президент огласит оба письма для прессы. Рузвельт просил, чтобы наша пресса ничего не печатала до такого опубликования в Соединенных Штатах. По вопросу о Вашем приезде Рузвельт передал мне через Буллит[а], что он хотел, чтобы Вы приехали как можно скорее. Буллит просил о Вашем приезде к началу ноября.

Настоятельно рекомендую выехать без задержки в Вашингтон... Сквирский».

Далее Каганович и Молотов сообщили: «Завтра вечером сдаем в печать для напечатания двадцать первого. По нашему мнению, Литвинов должен выехать в ближайшие дни, отказавшись от поездки в Турцию. Вместо него может поехать Карахан. Когда будет готов проект директивы Литвинову, мы Вас запросим. Если сейчас есть указание к составлению директивы, просим сообщить»¹.

Сталин 20 октября ограничился лишь тем, что написал: «На счет замены Литвинова Караханом для поездки в Турцию согласен»².

Свои предложения генсек направил несколько позже. 24 октября 1933 г. он сообщал Молотову и Кагановичу: «Записку Литвинова об Америке получил. Записка не вызывает возражений. Предлагаю добавить в отделе о наших контрпретензиях, что имеем в виду также наши претензии по интервенции, а в отделе о религии сказать в дополнение к сказанному, что религия — вопрос внутренний и не подлежит обсуждению.

Сталин»³.

Каганович и Молотов 24 октября 1933 г. в 1 час 18 мин. передали Сталину сообщение: «Литвинов спрашивает указаний по следующему вопросу: в случае, если Рузвельт в разговоре поставит вопросы, касающиеся отношений с Японией, может ли он касаться этих вопросов? И в каких пределах?

Мы думаем, что можно ему разрешить касаться этих вопросов, не связывая себя никакими заявлениями, выходящими за рамки наших обычных заявлений о нашей мирной по-

¹ Там же. Л. 21—22.

² Там же. Л. 22. *Автограф*.

³ Там же. Л. 41—42.

литике и готовности дать твердый отпор в случае нападения на нас».

Сталин ответил им в тот же день: «Ваш проект недостаточен, я думаю, что Литвинов не должен уклоняться от конкретных разговоров о наших отношениях с Японией. Я думаю, что если в разговоре с Литвиновым Рузвельт будет добиваться некоторого сближения с нами или даже временного соглашения против Японии, Литвинов должен отнестись к этому благожелательно.

Сталин»¹.

Так рождалось при участии Сталина признание Соединенными Штатами Советского Союза.

Как известно, дело завершилось подписанием в Вашингтоне 16 ноября 1933 г. Соглашения об установлении дипломатических отношений.

Выражая настроения значительных кругов американской общественности в связи с этим событием, Х.Л. Купер послал из Нью-Йорка 18 ноября 1933 г. телеграмму: «Сталину. Кремль. Москва. Вы не можете быть более счастливы в связи с признанием чем мы здесь. Купер». Сталин ответил кратко: «Благодарю. Привет»².

Но жизнь сложнее любых соглашений. В отношениях двух стран возникали нередко конфликты, периоды охлаждения.

Так, 14 августа 1934 г. Каганович и Молотов послали Сталину шифровку советского полпреда в США А.А. Трояновского. Они от себя писали: «Запросили предложения Литвинова.

Когда получим, сообщим Вам.

Мы думаем, что Трояновский, немного подвержен паническим настроениям». А Трояновский отмечал: «Мне давно передавали, что Рузвельт сильно озлоблен и бранит всю Литвинова». Речь шла о сумме и условиях американского кредита³.

Сталин в ответе Кагановичу от 15 августа отмечал: «Мне кажется, что у Трояновского есть доля правды, и мы могли бы пойти на некоторые уступки Рузвельту, имейте в виду, что со-

---

¹ Там же. Л. 44—44 об. Это предложение Сталина было принято Политбюро 25 октября 1933 г.

² Там же. Д. 755. Л. 81, 84.

³ Там же. Д. 83. Л. 57—58.

глашение с Рузвельтом может облегчить как проведение восточного регионального пакта со всеми вытекающими последствиями, так и борьбу с Японией, что для нас очень важно»¹.

Ответ Литвинова на шифровку Трояновского Каганович и Молотов направили 21 августа 1934 г. Сталину в Сочи. Они высказали свое несогласие с этим ответом, поскольку оно, «вряд ли будет принято американцами» и внесли свой текст в телеграмму на имя Трояновского и проект меморандума².

В тот же день Сталин и Киров ответили: «С вашими предложениями насчет претензий и кредитов по Америке согласны»³.

14 сентября 1935 г. Сталину направили телеграмму полпреда А.А. Трояновского. Он отмечал, что пробыл в Нью-Йорке около недели. «Все отмечают, — сообщал он, — огромный рост вражды к нам, охватывающий широкие круги. Настроение значительно хуже, чем до признания... Рузвельт, по-видимому, хотел сразу порвать отношения, но его отговорил Хэлл... Все убеждены, что ухудшение отношений и посылка протеста вызваны недовольством, связанным с неудачей переговоров о кредитах и долгах. Рузвельт, по информации многих, жалеет, что он восстановил с нами отношения и ищет выхода. Купер считает положение катастрофическим и потерю каждого дня опасным... Я думаю, что он преувеличивает... Но положение более чем серьезное... Ходят слухи, что кое-кто уже получил указания о нежелательности деловых сношений с нами. Возникает бойкотистское настроение». Трояновский просил дать указания о кредитах и долгах, причем привел свой вариант решения этого вопроса⁴.

На это сообщение Трояновского Сталин ответил 15 сентября в 12 час. 20 мин. на имя Кагановича и Молотова: «Шифровка Трояновского есть результат паники. Его пугают жулики из Америки, а он пугает нас. Он не понимает, что мы не боимся разрыва с Америкой. Хорошо бы дать ему месячный отпуск и приехать ему в Москву проветриться»⁵.

¹ Там же. Л. 68—69.

² Там же. Л. 111—114.

³ Там же. Л. 114. *Автограф Сталина*.

⁴ Там же. Д. 53. Л. 66—67. О получении этой телеграммы Сталиным — см. там же. Л. 65. Хэлл К. — в 1933—1944 г. госсекретарь США.

⁵ Там же. Д. 89. Л. 114.

В очередной шифровке от 27 сентября 1935 г. Трояновский сообщал о переговорах с американцами о кредитах, торговле и долгах¹.

Он писал о встрече с «очень крупным бизнесменом из Нью-Йорка и Бостона... Он спрашивал меня от имени ряда крупных фирм, почему я не могу договориться с госдепартаментом о кредитах, торговле и долгах. Этот вопрос волнует многих, так как неразрешение его вызывает раздражение, создает почву для обмена резкими нотами, он всплывает в избирательной кампании, президент находится в глупом положении. Неизвестно, чем это все кончится... Прошу срочных указаний». Разговор длился два часа².

Сталин в шифровке от 2 октября 1935 г. на имя Кагановича и Молотова писал: «Беседа Трояновского с дельцом из САСШ интересна...», но, отмечал он, в ней много неясного³.

3 октября Трояновский направил Сталину сообщение с разъяснением существа своей встречи (об условиях американского кредита). Но, отмечал полпред, «неизвестно, как отнесется ко всему этому президент»⁴.

В целом сотрудничество с США развивалось, получало новые импульсы, что обстоятельно изложено в опубликованных научных трудах. Оно получило новое содержание в годы второй мировой войны. Новые документы об этом приведены в специальной главе данной работы.

ж) Дальневосточный сосед — Япония

Японо-советские отношения в 20—50-х гг. XX века — этой проблеме посвятили свои труды многие ученые и нашей страны и других государств. В нашу задачу не входит их анализ и их оценка. Мы имеем более скромную цель (как впрочем и в других разделах данной книги) — обнародовать и оценить документы, хранящиеся в архивах и имеющие прямое отношение к И.В. Сталину. Заметим при этом, что некоторые из них частично использованы другими авторами.

¹ Там же. Л. 116—118. Шифровка послана Сталину 1 октября.

² Там же. Д. 90. Л. 97—99.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 147—148.